
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

К 300-ЛЕТИЮ ПОЛИЦИИ РОССИИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

УДК 34

А. Х. СУЛТАНОВ, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа)

A. Kh. SULTANOV, head of the department of history and theory of state and law of the Ufa Law Institute of the Interior Ministry of the Russian Federation, candidate of historical sciences, associate professor (Ufa)

ПОЛИЦИЯ РОССИИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

POLICE OF THE RUSSIA IN THE FIGHT AGAINST CRIME AT THE END OF THE XIX CENTURY

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы организации борьбы с преступностью в России в последние десятилетия XIX столетия. Обращается внимание на тщательное обобщение информации по состоянию преступности и оперативное вмешательство с целью преодоления ее негативных последствий в России.

Ключевые слова: офицеры полиции, надзиратели, сведения агентов, облавы.

Annotation. *The article deals with the problem of organizing the fight against crime in Russia in the last decades of the XIXth century. Attention is paid to a thorough synthesis of information on the state of crime and surgery in order to overcome its negative consequences in Russia.*

Key words: *police officers, supervision officers, information agents, raid.*

Рассматривая особенности развития полиции в России к концу XIX в., следует обратить особое внимание на тот факт, что в структурном отношении в ней постепенно происходили кадровые изменения. В первой половине XIX в., по воспоминаниям одного из выдающихся руководителей сыскного дела в Российской империи И. Д. Путилина, «будто нарочно, словно на подбор, полиция набиралась из людей грубых. Деспотичных, жестоких и непременно тяжелых на руку. В квартале царил суд запелляционный. От пристава до последнего будочника исключительно всякий полицейский считал себя “властью” и на основании этого безнаказанно тяготел над обывательским затылком и карманом» [1, с. 245].

Несмотря на то, что данная оценка была высказана применительно к до-реформенной полиции, картина не изменилась радикальным образом и в дальнейшем. Для жителей России образ «стража порядка» во многом предопределялся силой общественного мнения, где не последнюю роль в его формировании сыграла художественная литература.

В одном из ставших классикой рассказов А. П. Чехова был выведен образ полицейского надзирателя Очумелова. Он в течение короткого отрезка времени шесть раз менял свое отношение к происшествию, в результате которого мастер-ювелир Хрюкин пострадал от укуса собаки. Не раз звучало его негативное отношение к бродячим собакам: «Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал. Что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и все». Однако его мнение постоянно менялось в противоположную сторону. Менялось его оценка тогда,

когда Очумелов в очередной получал подтверждение того, что собака скорее всего принадлежит генералу Жигалову или, возможно, его брату. Окончательный приговор представителя власти предвосхищал в нем образ защитника прав животных, которые через столетие после описываемых событий будут широко представлены в России: «Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец... Ха-ха-ха...» [2, с. 33–36].

Подобное отношение общественного мнения оказывало негативное воздействие на общую атмосферу в подразделениях полиции, устанавливало тем самым низкую планку требований, предъявляемых к ее сотрудникам. Как отмечал в своих воспоминаниях А. Ф. Кошко, «вступив в должность начальника Московской сыскной полиции, я застал там дела в большом хаосе. Не было стройной системы в сыском аппарате, количество неоткрытых преступлений было чрезвычайно велико, процент преступности несоразмерно высок. Я деятельно принялся за реорганизацию дела и, не хвалясь, улучшил его.

При каждом московском полицейском участке состоял надзиратель сыскной полиции, имевший под своим началом 3–4 постоянных агента и целую сеть агентов-осведомителей, вербовавшихся по преимуществу из разнообразных слоев населения данного полицейского района». Далее Анатолий Францевич говорит о целой системе, строго выстроенной и по своему иерархичной: «Несколько надзирателей объединялись в группу, возглавляемую чиновником особых поручений сыскной полиции. Эти чиновники ведали не только участ-

ковыми надзирателями и их агентами и осведомителями, но имели и свой особый секретный кадр агентов, с помощью которого и контролировали деятельность подчиненных им надзирателей. Чиновники и надзиратели состояли на государственной службе. Агенты и осведомители служили по вольному найму и по своему общественному положению представляли весьма пеструю картину: извозчики, дворники, горничные, приказчики, чиновники, телефонистки, актеры, журналисты, кокотки и др.».

Как же оплачивался их труд? Кошко пишет: «Некоторые из них получали определенное жалование, большинство же вознаграждались хлопотами полиции по подысканию им какой-нибудь казенной или частной службы. К этому прибавлялись даровые билеты в театры, по железным дорогам и т. п. Такого способа вознаграждения приходилось волей-неволей держаться в целях экономии – применение его давало возможность значительно увеличивать кадры агентов» [1, с. 497–498].

Но в своей изобретательности Анатолий Францевич идет дальше. Он полагает необходимым создать дополнительную структуру. Нам представляется, что подобная схема, в каком-то смысле, напоминала основные параметры секретной полиции Фуше во Франции эпохи Наполеона. Кошко подчеркивает: «Над деятельностью чиновников особых поручений я наблюдал лично, имея для их контроля около двадцати секретных агентов.

Имена и адреса последних были известны только мне. Им вменялась в обязанность строжайшая конспирация; с ними я видался только на конспиративных квартирах, которых у меня в Москве имелось три. С помощью этих секретных агентов я мог наблюдать за действием и поведением любого моего подчиненного, не возбуждая в нем подозрений. Эти двадцать человек были выбраны мною с большим разбором.

Кадры моих секретных агентов я старался пополнять людьми, принадлежащими к различнейшим слоям московского населения». Глава Московской сыскной полиции задает вопрос: «Но для чего, спросят, быть может, было создавать целую иерархическую лестницу в розыском деле, где один агент, проверяя другого, в то же время подвергался и сам тайной поверке и наблюдению?»

Жизнь показала всю необходимость подобного метода... Тогда я прибегал к своим секретным агентам, не заинтересованным (хотя бы в силу своей конспиративности) в делах надзирателя и чиновника, и с их помощью обнаруживалась преступная корысть того и другого... С помощью тех же секретных агентов истина и здесь выяснялась очень скоро, и пристыженный надзиратель быстро терял вкус к самовосхвалению и выдумкам».

А самое главное, по мнению создателя подобной системы, достигался определенный психологический эффект: «благодаря этому контролю над контролем мне вскоре же удалось внедрить в сознание моих подчиненных, что начальник следит сам за всем и в курсе всего происходящего, что, конечно, сильно подтянуло моих людей» [1, с. 498].

В оперативной работе приходилось не пренебрегать буквально ничем. «Довершали агентурную сеть», по воспоминаниям А. Ф. Кошко, так называемые «агенты-любители»: «Часто воры, не поделившие добычи, присылали кляузные письма, жалуюсь друг на друга; бывало, что какой-нибудь скупщик краденного, обуреваемый завистью к “коллегам”, перекупившему у него под носом выгодную партию “товара”, являлся в полицию и со смаком выдавал “конкурентов”. А то случалось, что люди, чающие заработать пятерку, десятку, а то и четвертную (сообразно ценности сведений), приходили ко мне и предлагали сообщить данные по интересую-

щему меня делу. Эта разновидность агентов приносила тоже свою пользу».

Вывод был предельно четким: «Итак, каждый участковый надзиратель, прослужив несколько лет в своем участке, с помощью своих постоянных агентов и многочисленных агентов-осведомителей имел возможность самым подробным образом изучить и территорию, и состав ее населения.

Обычно всякий переулочек, всякий дом, чуть ли не всякая квартира были ему известны, что, конечно, значительно облегчало дело розыска».

При получении ежемесячных сведений надзирателей составлялись ведомости, на основании которых «специальный чиновник-чертежник вычерчивал кривые по родам преступлений и по каждому району отдельно и составлял общую картограмму, каковая и вывешивалась в моем служебном кабинете. Таким образом, я мог постоянно следить за состоянием преступности в любой части городской территории, и если кривая краж в каком-то участке несообразно повышалась по сравнению с той же кривой другого района, то я обращался к градоначальнику, прося его подтянуть соответствующего участкового пристава, со своей же стороны я нажимал на участкового надзирателя. В результате – усиление наблюдения за неблагополучными районами, и как следствие – резкое понижение соответствующей кривой к следующему же месяцу» [1, с. 499].

Для организации борьбы с преступностью в Москве А. Ф. Кошко организовывал облавы. При этом он особо оговаривал сложность этого вида борьбы. Она «закключалась в том, что приходилось соблюдать строжайшую тайну о дне и часе облавы не только от своих служащих, но и от чинов наружной полиции, между тем как в «экспедиции» принимало участие более тысячи человек. Дней за десять, иногда за восемь, а

то и за пять до больших праздников я приказывал моим надзирателям, чиновникам и агентам собраться в полиции к 7-ми вечера якобы для ознакомления с каким-либо новым циркуляром или для получения от меня общих указаний по очередному сложному делу. Когда люди были собраны, им объявлялось, что сегодня ночью облава. После этого никто из них уже не только не выпускался из помещения, но им строжайше запрещалось даже разговаривать по телефону. В состоянии “арестованных” они пребывали до ночи, т. е. до самого начала действий.

Вместе я просил градоначальника нарядить мне в помощь тысячу городских, человек пятьдесят околоточных и десятка два приставов и их помощников. К ночи городовые стягивались в один общий исходный пункт (часто во дворе при жандармском управлении), к ним присоединялись мои люди. Руководители получали подробные инструкции, и глухой ночью начиналась облава».

Одновременно руководитель московского сыска добивался достижения двух целей: внезапности и гласности. По утверждению А. Ф. Кошко «внезапность атаки играла огромную роль, сильно уменьшая шансы скрыться для преследуемых преступных элементов. По просьбе некоторых московских газет редакции их извещали за час до начала облав, и уведомленные сотрудники их тотчас приезжали ко мне» [1, с. 501].

Подобная организация работы приводила к тому, что за короткий отрезок времени преступность начала сбавлять обороты. И, как вспоминает А. Ф. Кошко, в один из праздничных дней в Москве не произошло ни одной крупной кражи. Подобная результативность была очевидным свидетельством высокой эффективности деятельности полиции в дореволюционной России.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Путилин И. Д., Кошко А. Ф. На страже Отечества. Уголовный розыск Российской Империи. М.: Эксмо, 2013. С. 245.
2. Чехов А. П. Рассказы и повести. М.: Правда, 1979. С. 33–36.

© Султанов А. Х.

УДК 342:338.439.6(470.57)

Р. А. АХМЕТШИН, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

R. A. AHMETSHIN, senior lecturer of the department of administrative and legal disciplines of the Ufa Law Institute of the Interior Ministry of the Russian Federation, candidate of legal sciences (Ufa)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ БАШКИРИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ACTIVITY OF THE POLICE OF BASHKIRIA IN THE FIRST YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей деятельности милиции Башкирии в первые годы новой экономической политики в регионе. В статье раскрывается деятельность милиции Башкирии по охране продовольственных товаров в период новой экономической политики, а также методы борьбы с преступностью в продовольственном секторе.

Ключевые слова: милиция, Башкирия, новая экономическая политика.

Annotation. The article is devoted to the peculiarities of the activity of the Bashkiria militia in the first years of the new economic policy in the region. The article reveals the activities of the Bashkiria militia for the protection of food products during the new economic policy, as well as the methods of combating crime in the food sector.

Keywords: police, Bashkiria, a new economic policy.

Утверждение новой экономической политики, сопровождавшейся кодификацией законодательства, требовало корректировки работы правоохранительных органов, основной функцией которых должна была стать защита прав

граждан. Участие правоохранительных органов в реализации нэпа было разносторонним, но их деятельность была направлена на решение общих задач. Как отмечает А. И. Абдрахманов, «по сути все вопросы административно-